

Фанни совершенно не обратила внимания на меня, погрузившись в воспоминания:

— Целый год я думала, что он любит меня. Не думала, что разбогатев, он совсем забудет про меня, эту Золушку. Нет, — выражение её лица внезапно изменилось, ярко-красные губы искривились в презрительной усмешке, — я даже не достойна называться Золушкой, ведь я всего лишь проститутка, принимающая клиентов с двенадцати лет.

Левой рукой я под столом сжал правое запястье до боли:

— Как он разбогател?

Я запнулся, расширил глаза и в шутку добавил:

— Неужели выиграл в лотерею?

— Иметь богатого папочку — это как выиграть в лотерею в прошлой жизни, — фыркнула Фанни, и её презрение было очевидным.

Я потерял дар речи и лишь спустя долгое время смог выдавить:

— ...Ты потом его искала?

— Чего искать? — она косилась на меня. — Это я сама, своим идиотизмом, передала информацию, чтобы его нашли. Думала, он вспомнит старые чувства, вернётся и женится на мне. А он развернулся и тут же забыл про меня?

«Это я сама, своим идиотизмом, передала информацию, чтобы его нашли».

— Но... как ты узнала, кому передать информацию?

В этом вопросе было слишком много любопытства и желания выведать секрет. Она резко подняла голову, прищурившись. Я просто пожал плечами, опустил голову и продолжил есть, с важным видом маленького взрослого заявив:

— Детское любопытство, знаете ли. Но я джентльмен, так что если не хочешь говорить — не надо.

Она вдруг рассмеялась и потянулась рукой, чтобы погладить меня по голове. Я мгновенно отпрянул:

— Не трогай причёску!

Услышав это, Фанни явно отбросила все сомнения и засмеялась:

— Мальчишка.

— Мне осталось всего четыре года до совершеннолетия!

— А сейчас ты всего лишь мальчишка. Ты милый, мне было приятно с тобой с первого взгляда... Ты немного похож на него. Рассказать тебе об этом, наверное, неважно...

Я бросил на неё взгляд и больше не спорил.

— ...Когда я ездила в Китай, я видела его отца. Они очень похожи.

На самом деле, за двадцать лет ничего не изменилось.

Просто двадцать лет назад я ничего не видел.

Я замолчал, а она продолжала бубнить, словно желая выплеснуть всё, что не сказала за эти двадцать лет. Но я больше не мог слушать. Я быстро затолкал еду в рот, затем резко встал и большими шагами направился к выходу, оставив крики Фанни далеко позади.

Я никогда не сомневался.

Семья Гу, хоть и была мафиозным кланом, базировалась лишь в Юго-Восточной Азии. Её щупальца не доставали до Европы, а информационная сеть не покрывала этот островной мир. Моя родная мать, вероятнее всего, именно поэтому бежала в Англию рожать меня.

Оставаться в слепой зоне информационной сети Гу, быть усыновлённым двумя добрыми стариками и прожить обычную жизнь.

Но тот, кто перевернул всю мою жизнь, был одним из самых важных для меня людей. И лишь в конце прошлой жизни я узнал, что её улыбка была ложью, её капризы — ложью, её просьбы о любви — ложью. Всё, что она показывала мне, было фальшивым.

Я думал, что её мать-одиночка была сильной и независимой, но теперь узнал, что и это было ложью.

В итоге, единственное, что было правдой — этот тонкий листок с ДНК-тестом, кандалы, которые я не мог сбросить всю жизнь.

Меня водили за нос с начала и до конца. Я был просто посмешищем.

Частный самолёт семьи Жун вылетел на следующий день. В самолёте я задремал, а когда проснулся, уже ехал в особняк Жун.

Жун Шицин сидел рядом, читая финансовый журнал. Черты лица были чёткими, но сейчас он казался не таким мягким.

Я сел, плед соскользнул к ногам. Я посмотрел туда, куда он читал, и увидел фотографию в статье.

Я невольно стиснул зубы.

Я сейчас ненавижу это тело за его отличное зрение: даже через почти метр я мог чётко разглядеть лица на фотографии.

Прошёл уже месяц. Возможно, от желания избежать правды, я не искал новостей о клане Гу. Я внушал себе забыть прошлое, будто его и не было. Может, я и правда просто младший сын Жун, получивший чужие воспоминания после похищения.

Увидев фото, я осознал, что память о прошлом гнездится слишком глубоко, её не стереть простым самовнушением.

Теперь, вернувшись на материк... Гу и Жун редко пересекались, но связи были. Раньше я не любил publicity, а эти двое были мастерами общения, карьеристами, мечтавшими реформировать клан Гу. В будущем... вряд ли удастся избежать их.

— Отец, есть ещё? — я указал на журнал.

Жун Шицин взглянул на меня, взял другой журнал и протянул мне. Движения были плавными, он не задавал вопросов, продолжая читать.

Я взял журнал. На обложке — близнецы с поразительно похожими лицами. Они сидели рядом, с одинаковым выражением уверенности и решимости. Перед ними микрофоны, официальные костюмы. За годы они впитали в себя властный вид.

Заголовок гласил: «Первая ступень реформ клана Гу: перетасовка акционеров?»

Система и управление Гу были отлажены, а влияние акционеров запутано. Я знал, что эти двое амбициозны, но не думал, что они так глупы.

Перетасовка акционеров равносильна перераспределению власти в Гу. Отнимать деньги — это как убивать родителей. Это путь к полной конфронтации. Люди Гу не травоядные, как они потерпят такое над собой? Как такой план вообще дошёл до пресс-конференции?

Неужели они ещё не встретили сопротивления?

В машине было прохладно. Я был в футболке с коротким рукавом, поток холодного воздуха заставил меня вздрогнуть.

Мои мысли застопорились. Сердце сжалось, тело пронзил холод.

На материке сейчас был жаркий август, многие города входили в фазу экстремальной жары, люди прятались в кондиционированных помещениях.

Но до того, как я «стал» сыном Жун, я явно был в каштановом свитере, сидя на первом этаже главной усадьбы Гу с работающим отоплением. Тогда был лишь вечер, но уже темно. Я ждал их к ужину, а увидел кольцо предателей вокруг дома, все в перчатках, с дулами пистолетов, направленными на меня — единственную живую цель в радиусе десяти метров.

Тогда те двое, чьи фото были на обложке, вошли, стряхивая снег с пальто. Я помню, как снег на их подошвах таял в тёплом зале, оставляя грязные мокрые следы на блестящем полу. Шаги были тяжёлыми, твёрдыми, но необратимыми. А сейчас они в костюмах, улыбаются в объектив камеры.

Это явно разные сезоны. Прошло больше полугода.

Затылок пульсировало в такт сердцебиению. Я с каменным лицом положил журнал, натянул плед на шею и закрыл глаза, притворившись спящим.

В полной темноте я услышал, как моё сердце бьётся, как гром.

<http://bllate.org/book/16596/1516597>